

## ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

### ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ОБ ОТНОШЕНИИ К НЕЙ ЗНАЧИМЫХ ДРУГИХ<sup>1</sup>

© 2001 г. К. А. Абульханова-Славская\*, Е. В. Гордиенко\*\*

\*Академик РАО, доктор философских наук, профессор,  
зав. лабораторией психологии личности ИП РАН, Москва

\*\*Кандидат психол. наук, преподаватель Красноярского государственного  
педагогического университета, Красноярск

Рассматриваются экспектации как комплекс представлений личности об отношении к ней окружающих (“Я глазами других”), складывающийся в сознании, социальном мышлении. Эмпирически выявляется личностный характер экспектаций, выраженный в избирательной семантике сознания, их конгруэнтности личностным особенностям. Последние обобщаются как характеристики типов личностей, выбирающих различные оценки разных значимых лиц (коллег, семьи и т.д.).

*Ключевые слова:* социальные представления, индивидуальное сознание, социальное мышление, экспектация, Я-концепция, личностные особенности.

Эспектации (ожидания человеком отношений, оценок, представлений о нем окружающих) традиционно являются предметом изучения социальной психологии, в которой, так же как атрибуции, они рассматриваются в качестве механизмов интеракции в контексте межличностных отношений. Первые – как более пассивные представления данного человека об отношениях к нему других, вторые – как активное приписывание им причин их поведения.

В отечественных исследованиях существует разрыв между изучением экспектации в сфере общения и деятельности (т.е. скорее как интерактивного, социально-психологического механизма) и их анализом как составляющей индивидуального сознания (самосознания). Последний аспект разрабатывался в зарубежных исследованиях Я-концепции, которая включала экспектации отношений других. Однако их собственно личностное основание учитывалось только Э. Эриксоном в трактовке Эго-идентичности, а связь с личностными механизмами подчеркивали Дж. Бугенталь, Д. Сьюпер, Р.Л. Эквайер.

Сегодняшнее состояние отечественной и зарубежной психологической науки позволяет обратиться к тем теоретическим предпосылкам (и сложившимся уже давно, и современным), благодаря которым можно осуществить интеграцию психологии личности и социальной психологии в исследовании экспектаций. Для этого необходимо выявить личностные особенности интеракции, установить связь самосознания и коммуника-

тивных способностей сознания и, главное, исследовать личностные механизмы экспектаций.

Необходимость решения этой задачи обусловлена также *реальными изменениями* представлений людей об их взаимоотношениях и самих отношений. Происходит разрыв отношений, изменение привычного их характера, “размывание” традиционной системы ценностей, смена приоритетов во взаимоотношениях. Исследование экспектаций, являющихся идеальным представлением личности об отношениях к ней окружающих, актуально, поскольку оно позволит судить о том, в какой мере эти идеальные представления можно считать показателем сохранности связей людей между собой, а также о роли мнений, оценок других для укрепления позиции личности.

Одним из первых в разработке этой проблемы был А. Смит – представитель шотландской школы философии морали, который в 1752 г. (задолго до Ч. Кули и Дж. Мида) писал, что отношение индивида к себе, его самооценка зависят от “зеркала”, глядя в которое мы можем “глазами других людей изучать свое собственное поведение”, что мы судим о себе и своих поступках во многом так, как, нам кажется, об этом судят другие. Представители ряда течений (феноменологическое, функциональное) и школ в психологии, изучавшие Я-концепцию (первым ее исследователем был У. Джемс), придавали значение ее социальному характеру. Представители *социального* подхода (А. Валлон, Дж. Мид, Ч. Кули и др.) разрабатывали модель межличностной коммуникации, обучения ролям в процессе конструирования Я-концепции. Главным ориентиром в становле-

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 94-06-19751).

нии Я-концепции является “Я” другого человека – представления о том, что о нем думают другие. Значимая роль в Я-концепции приписывалась окружению (“Какой я в отношении с другими?”). Авторы же *индивидуального* подхода (Дж. Бугенталь, Д. Сьюпер, Р. Эквайер), не отрицая роли социального, подчеркивали внутренние факторы становления Я-концепции (“Кто я?”).

“Механизм” экспектации одним из первых раскрыл Дж. Мид [24], считавший, что Я-концепция в обобщенном виде включает образ “Я” в глазах других людей. Понятие экспектации объединяет аспект ожидания, предвосхищения, идеального представления и аспект принятия данным субъектом, его включения в свое “Я” оценок, представлений об этом “Я” других.

Мид и все психологи интеракционистского направления выделяют три основных компонента в структуре личности: *I* (я), *me* (меня, т.е. каким меня должны видеть другие) и *self* (“самость” человека, личность) [24]. Их взаимоотношение таково: *self* состоит из *I* и *me*. *Me* представляет собой инкорпорирование другого (генерализованного или конкретного) в сознание личности, организованный набор установок и определений, экспектаций. *I* объединяет импульсивные тенденции индивида, начальные, спонтанные, неорганизованные, ненаправленные тенденции его поведения, которые обычно заканчиваются *me*, попадая под регулирующий контроль определений и экспектаций других.

Поведение человека рассматривается как постоянная серия инициаций актов со стороны *I* и встречного действия, управления действием со стороны *me*. Весь акт – результат такого взаимодействия. Каждый человек формирует Я-концепцию, оценивая свои субъективные переживания с коллективной точки зрения. Следовательно, то, что человек рассматривает самого себя, должно быть отражением того, что, по его мнению, думают другие, хотя совершенно не обязательно, чтобы они *действительно так думали*.

Представители символического интеракционизма (Г. Блумер, Н. Дензин, М. Кун, А. Роуз, К. Леви-Стросс, Т. Шибутани и др.) разрабатывают не отдельные аспекты концепции Мида, а весь комплекс проблем, которые он ставил. Т. Шибутани [17] уже связывает экспектации, представления “Я глазами другого” с Я-концепцией, развивающейся в *социальном взаимодействии*. Он считает, что Я-концепция является частью символической среды человека.

В своей жизни каждый человек играет несколько ролей, действуя согласно определенной роли, в результате чего возникают различные Я-образы. Единство Я-концепции отчасти обеспечивается непрерывностью его опыта, а отчасти тем, как он сумеет интегрировать систему взгля-

дов, выходя за пределы точек зрения всех групп, в которые он был включен. Следует предположить, что, хотя Я-концепция формируется и под влиянием других переменных, степень интеграции Я-концепции человека в значительной степени зависит и от числа социальных групп, и от интеграции социальной системы, в которой он участвует. Я-концепция – это значения, в которых соединились ожидаемые реакции других людей. Именно благодаря устойчивым реакциям других у человека вырабатывается чувство своей определенности и его Я-концепция поддерживается и подкрепляется постоянством этих ожидаемых реакций. К. Хорни и Г. Салливан сближают понятие “Я” с понятием самооценки и саморегуляцией поведения, Э. Эриксон рассматривает Я-концепцию через призму Эго-идентичности. Особый подростковый конфликт Эго-идентичности разрешается, по его мнению, таким образом: юным нужна уверенность, что выработанная ими раньше внутренняя целостность будет принята другими людьми, значимыми для них. Символический интеракционизм оказал определенное влияние на современную концепцию *социальных представлений*.

Одним из первых на социальные представления обратил внимание Г. Зиммель. Он указал на связь, существующую между изолированностью индивида от других и его потребностью представлять их себе. Зиммель увидел в социальных представлениях некий механизм, участвующий в создании единств более высокого порядка М. Вебер охарактеризовал представления как некий набор ориентиров, определяющий действия индивидов. Непосредственным источником современной концепции социальных представлений стала теория “коллективных представлений” французской социологической школы и прежде всего Э. Дюркгейма, наметившего общие контуры понятия “коллективные представления” и использовавшего его при объяснении самых разных явлений жизни общества. Основная функция коллективных представлений – осуществление единообразия поведения и ментальной деятельности членов группы; они обязательны, обладают мотивирующей силой, устойчивы в передаче и воспроизведении.

Исследования Л. Леви-Брюля – другого представителя французской социологической школы – показали, что разнообразие представлений в большей степени зависит от типа общества, чем от сферы жизнедеятельности, и существуют различные логико-психологические механизмы, на основе которых можно дифференцировать первобытное и цивилизованное мышление.

Ж. Пиаже выявил, что ребенку свойственно качественно иное видение мира, чем взрослым, заключающееся в иных формах мышления. Пиаже, казалось, вплотную подошел к проблеме коммуникативных особенностей мышления взросло-

го, употребив понятие “кооперация” при анализе так называемой обратимости операций. Однако, раскрыв эту способность человека встать на точку зрения другого, он не показал, что же происходит одновременно с точкой зрения “Я”. То есть Пиаже не поставил проблемы одновременности, встречного характера и возможного различия точек зрения “Я” и другого и способов ее решения.

С тех пор понятия “представления”, “коллективное бессознательное”, оттесненное когнитивизмом с его более “операциональными” терминами, исчезли из социологического и социально-психологического лексикона.

В отечественной психологии соотношение “Я – другой” рассматривалось в контексте проблемы *самосознания*. Как уже говорилось, психологи (С.Л. Рубинштейн, И.И. Чеснокова, Е.В. Шорохова и др.) трактуют самосознание как познание человеком самого себя в *его соотнесенности* с другими людьми в совместной деятельности. С точки зрения С.Л. Рубинштейна, личность как субъект осознает не только мир, но и себя в своих отношениях с окружающими. Осознание себя как “Я” является результатом развития личности, для которой изначально позиция “Мы”. И.И. Чеснокова рассматривает самосознание как сложный психический процесс, который проявляется прежде всего в восприятии человеком многочисленных “образов” себя в различных ситуациях деятельности и общения. Эти “образы” первоначально возникают на основе осознания данным человеком оценок его другими, далее – на основе соотнесения оценок других и своих собственных.

В немногих отечественных работах, затрагивающих проблему экспектаций, прежде всего подчеркивалась *нормативная* роль этого “механизма”: видя себя “со стороны”, “объективно”, “в представлениях других людей”, индивид воспринимает нормы поведения, переживания, усваивает способы социального контроля за собой (Я.Л. Коломинский, С.А. Будасси, А.В. Мнушкина и др.). А.В. Петровский выявил зависимость самовосприятия личности – того, что человек видит в себе (самооценка), от сопоставления с тем, что он видит в других (оценка индивидом окружающих), и с тем, что, по его предположению, видят в нем другие (ожидаемая оценка). И хотя он подчеркивает неосознаваемость, неопределенность этого механизма, последний скорее оказывается механизмом ролевого поведения, чем индивидуального самоопределения, т.е. социально-психологическим механизмом, а не механизмом самосознания.

В исследованиях А.А. Бодалева и др. отмечается наличие у каждого человека специфических элементов *ожидания*, которые связаны с различными видами *деятельности*: вбирая личный опыт взаимодействия с людьми, они позволяют

индивиду планировать свое поведение и целесообразно регулировать его в процессе *общения*. Содержание ожиданий составляют объективные показатели качеств личности, ее знаний, умений, особенностей поведения.

В исследованиях ожиданий (М.Л. Гомелаури, 1967) выявилось мотивационное значение социальных ожиданий; межличностные отношения рассматривались в плане сопоставления объективного положения учащихся с ожидаемым (Я.Л. Коломинский, 1969), в ситуации социального общения (В.Р. Кисловская, 1972). В перечисленных исследованиях ожидаемая оценка не является предметом специального изучения, однако авторы обращают внимание на важное значение *ожиданий* личности. Непосредственно ожидаемая оценка изучалась как проблема моделирования личности *в группе* (С.А. Будасси, 1972); в динамике самооценки и ожидаемой оценки подростков в условиях вхождения личности в новый коллектив (А.П. Копылова, 1975); как проблема утраты учащимися лидирующего положения в ученическом коллективе (А.В. Мнушкина, 1978); психологические особенности ожидаемых оценок у старшеклассников (Т.Т. Рыбакова, 1982). В этих работах анализировалась ожидаемая оценка и самооценка у школьников (подростков, юношей и девушек). А.П. Копылова отмечает, что, выступая в качестве элемента структуры самосознания, ожидаемая оценка, как и самооценка, формируется, корригируется и стабилизируется в активном социальном взаимодействии людей.

Однако, рассматривались ли экспектации, скорее, как механизмы нормативной активности или как личностные феномены, как включение в самооценку оценок окружающих, сохранялась ли их квалификация как социально-психологических явлений, которые – по определению – описывались независимо от личностно-психологических? Отсутствовали теоретические “мосты”, которые раскрыли бы опосредствования, связи между ними и позволили рассмотреть данный механизм одновременно как личностный и социально-психологический. Таким “мостом” для нас стала *концепция социальных представлений* французского психолога С. Московичи, благодаря исследованиям которого в 60-е годы произошел возврат на новом уровне к этой проблеме. Московичи возобновил изучение социальных представлений и способствовал утверждению данного понятия в качестве центрального для социальной психологии. Его концепция уникальна, так как включает и общую теорию социальных феноменов, и частную теорию психических явлений. Он рассматривает коллективный характер знаний и убеждений как выражающий качества ментальной и психической жизни. Согласно Московичи [8], социальное представление есть универсальная форма обыденного познания, сочетающая когнитив-

ный и аффективный компоненты знаний, которые позволяют субъекту фиксировать свою позицию по отношению к самому себе и действительности. Его идеи разрабатывают В. Дуаз, Д. Жодле, Р. Фарр и др. Жодле определяет социальное представление как специфическую форму знания – здравого смысла, содержание, функции и воспроизводство которого социально обусловлены. Соединяя в себе атрибуты обыденного и научного образа и понятия, представление становится обобщающим символом, знаком определенных общественных явлений.

Утверждение принципиальной значимости символических процессов в жизнедеятельности общества, убеждение, что люди являются активными творцами собственного символического окружения, с которым соотносят свое поведение, сближают концепцию социальных представлений с позицией Дж. Мида – основоположника символического интеракционизма.

К теории социальных представлений одними из первых в отечественной науке обратились Т.П. Емельянова и А.И. Донцов [6], позднее – К.А. Абульханова-Славская [2], Г.М. Андреева, В.Л. Калькова, П.Н. Шихирев, Е.В. Якимова, Е.В. Шморина и др. Появились на русском языке и работы Московичи (1992, 1995). Однако поскольку он рассматривает социальные представления как основной предмет изучения *социальной психологии*, то для “перевода” его теории на “язык” отечественной психологии и психологии личности нам понадобилось выявить их роль как составляющих индивидуального сознания личности, что специально не доказывается Московичи. Мы исходили из теории сознания С.Л. Рубинштейна [15], который раскрывал, во-первых, принадлежность сознания действующему субъекту, во-вторых, диалектику трех отношений субъекта: к миру, к другим людям и к самому себе. Таким образом, можно утверждать, что социальные представления – это составляющие *индивидуального сознания личности*, в котором уже связаны представления о других и о себе. Следуя теориям Рубинштейна и Мида, мы включили вслед за Бандурой [21] в совокупность этих отношений четвертую составляющую – отношение других ко мне, его ожидание, экспектацию.

На первый взгляд, четвертое отношение нельзя включить в структуру индивидуального сознания, потому что отношение других людей к данному человеку не зависит от него. На самом же деле в сознании возникла и существует своеобразная способность “отклика” на это отношение, т.е. ожидание, предвидение, потребность в том, как именно другие отнесутся ко мне. Введение экспектации в структуру сознания также отвечало бахтинской идее о диалоговом характере сознания: высказывая свое, человек предвидит,

предчувствует, мыслит о мнении другого, имеет его в виду [3].

Для подлинной интеграции трех концепций – Мида (его теорию всегда считал значимой Рубинштейн), Московичи и Рубинштейна – потребовалось выстроить тот самый теоретический “мост”, о котором выше шла речь. А именно – нами была разработана концепция социального мышления личности как функциональной способности ее сознания [2]. В отличие от теорий социального познания, когнитивистской *социальной психологии* предметом нашего исследования является *функциональное сознание личности*, которое рассматривается как “работа” ее социального мышления. Словом “социальное” подчеркивается *озадаченность* этого мышления проблемами взаимоотношений людей, всего социума во множестве его ситуаций и противоречий. Сознание – постоянно возобновляющийся процесс осознания мира, других людей, себя, т.е. активное мышление, связанное с проблемами социальной действительности. Гипотетически мы определили состав социального мышления личности как включающий не только социальные представления, но и совокупность других процедур.

В число этих процедур входит проблематизация (как “нерв” всякого мышления – по Рубинштейну), разрешающая противоречия между личностью и действительностью в целом, личностью и другим в частности.

Утверждая, что именно в сознании личности существует проекция “другого”, Мид открыл принципиальную возможность *несовпадения* позиций “Я” и “другого”, но на их *встречный* характер и даже реальное *рассогласование*, столкновение обратил внимание много позднее А. Бандура [21].

*Проблема* возникает в социальном мышлении именно в случае рассогласования, противоречия мнений, представлений и данной личности, и другой. “Работа” социального мышления заключается в разрешении этой проблемы, которая лишь иногда выступает как чисто когнитивная (когнитивный диссонанс), но чаще как вбирающая в себя ценности, взаимные отношения (признание–непризнание, доверие–недоверие друг другу и т.д.).

И хотя Московичи включает интерпретацию в социальное представление, мы выделили ее в качестве самостоятельной процедуры социального мышления. Мое мнение о том, как представляет себе меня другой, почти никогда не сводится к простой глобальной его оценке моей личности (типа “хороший человек”). Оно составляет мной из ряда его косвенных высказываний, реакций на мои поступки (одобрительных и др.), из моих гипотез о его интересе ко мне как личности или полезном для его дел человеке и т.д. Эта композиция изменяется (уточняется, расширяется, включая новые составляющие и т.д.), представ-

ляя таким образом процесс интерпретации мной мнения обо мне другого.

Однако в качестве первого исходного предмета теоретико-эмпирического исследования мы выбрали именно процедуру представлений (как более простую по отношению к проблематизации и интерпретации). Приведенная альтернатива, подчеркивание пассивного характера ожиданий или, напротив, активного, приписывание людям своих представлений о себе преодолевается, если изучать экспектации не как изолированный механизм, а включить их в контекст вышеуказанных отношений сознания личности – к миру, другим, к себе и других к себе.

Альтернативность подходов снимается, если учесть встречный характер отношений, существующих в сознании личности, и их сложную связь. “Работа” сознания, социального мышления “задается” прежде всего тем, что и отношения личности, и ее представления имеют характер *взаимоотношений*. А именно – она представляет себе других, сама определенным образом реально относясь к ним, и идеально воспроизводит (экспектации) их отношения (представления) к себе (о себе). Это *ее представления*, это то, как *она думает* (предполагает, надеется или огорчается), что другие думают о ней.

Более конкретно можно было бы рассмотреть две проблемы: 1) что думает (как представляет себе) личность об отношениях (представлениях о ней) других к ней и каковы они *на самом деле*; 2) что думает личность об отношениях к ней окружающих, исходя из того, как *она сама относится* к ним. Однако первоначально требовалось решить другую исходную проблему, а именно доказать, что представления личности о том, какова она в “глазах” (представлениях) окружающих, – это и есть личностно обусловленные представления.

Мы предположили, что личность обладает не только *способностью* к социальному мышлению: в экспектациях выражена *потребность* личности в отношении к ней других, в мнениях о ней, в оценках ее поведения, ее самой и ее отношений к людям. А эта потребность, связанная с *реальностью* взаимоотношений, носит, скорее, не уникально индивидуальный, а личностно-типологический характер.

Проведенное нами ранее исследование показало, что способ связи трех составляющих сознания (к другим, к себе и отношений ко мне других) различается у *разных типов личностей* [1]. Одни типы, критически оценивая самих себя, позитивно – окружающих, в большей степени нуждаются в их оценке, мнении. Другие, наоборот, очень высоко оценивают себя, пренебрежительно относясь к окружающим, не нуждаясь ни в их отрицательных оценках, ни в положительных. Эти типы – крайние. Между ними находятся такие, например,

которые улавливают только положительное мнение о себе, но остаются глухими к критике, и те, которые зависят от оценок в максимальной или меньшей степени, прислушиваясь ко всякого рода отзывам о себе. Эти данные показывают, что благодаря различным структурам сознания разные люди, каждый по-своему, объясняют свое положение среди людей и трактуют его иногда весьма субъективно [1, 11].

Данные этого исследования показали, что только у одного типа людей представлены в сознании все три вида отношений (к другим, к себе, других к себе), гармонично связанные друг с другом. У остальных типов отсутствовало (или было слабо выражено) одно из отношений.

*Результаты* исследования обнаружили:

1. Гармоническая связь всех трех отношений в сознании обеспечивает социально-психологическую и личностную способность к регуляции общения, когнитивное планирование взаимоотношений, возможность согласования собственных действий и встречной активности.

2. Попарная связь отношений (к себе, к другим и других ко мне) в разных сочетаниях может обеспечить регуляцию коммуникации при таких условиях: а) если отношения имеют диалогический, обратимый характер, б) если их связь противоречива, амбивалентна.

3. Отсутствие способности сознания регулировать взаимоотношения, а потому лишь стихийное, эмпирическое их осуществление личностью согласуется с установочными типами связей в структуре сознания.

Именно принятие другого человека в качестве объекта или субъекта определяет и тип взаимоотношений к ним: строятся ли они как проблемные, когда предусматривается возможность встречного ко мне отношения, другого мнения, не совпадающего с моим (и тогда-то должна быть решена проблема их согласования) или складываются стихийно, прагматически [1].

Таким образом, ранее проведенное исследование [1] показало, что отношение личности к себе (высокая или низкая самооценка) находится в сложном соотношении с оценками окружающих (представлениями о них). Высокая самооценка может блокировать потребность в учете мнения окружающих людей, и, наоборот, низкая – чрезмерно завышать эту роль, усиливая экспектацию.

Однако ожидаемые отношения (оценки), которые состоят в мысленной адресованности к другому человеку, в оценке его позиции и учете его значимости, складываются в сознании на основе реального опыта общения, взаимодействия. Некоторые окружающие личность люди открыто выражают свое отношение, мнение как о данной личности, так и о ее поступках, но это отношение разных людей само по себе достаточно

сложно – оно может быть амбивалентно, противоречиво. Оно может выражать актуальное для общения, для совместной деятельности представление (или оценку) данной личности, достаточно безотносительное к делу. Оценки могут меняться в зависимости от проявлений, поступков, меры близости партнеров в разные периоды жизни и т.д. Представления, мнения о данном человеке отнюдь не всегда высказываются. Поэтому субъект экспектаций – личность должна активно размышлять о характере отношений к ней другого лица, чтобы выявить его сущность, направленность, пристрастность, объективность и т.д. Она может произвольно обобщать оценки разных людей в желательном для себя ключе: выбирать только положительное (или наоборот), выделять тех, чьи оценки наиболее значимы безотносительно к степени связи в жизни, работе и т.д. Иными словами, здесь личность проявляет активность социального мышления (или его поверхностность), позитивную (или критическую) направленность и избирательность.

Ожидаемое: “Я” в ее сознании может складываться как целостная структура. Вместе с тем ожидаемое может быть представлено и как некоторая совокупность разных мнений о себе, состоящая из оценочных отношений, сложившихся в различных видах деятельности и сферах общения. То есть система ожидаемых представлений в своем структурном выражении может состоять из различного уровня ожидаемых мнений, суждений, оценок, но в сознании личности будет выступать в качестве *целостного интегративного образования*. Эта система, напротив, может быть противоречива, т.е. связана с неуверенностью личности. Она может быть более упрощенной или сложной. При всех условиях личность совершает свой *выбор*, при этом часто она предпочитает ориентироваться на одни представления, а другие – игнорирует. Этот выбор, по-видимому, определяется прежде всего значимостью “других”. Для разных людей круг значимых других оказывается различным (А.А. Бодалев). Для одних наиболее значимыми оказываются друзья, для других – родные, для третьих – коллеги по любимой работе. Можно допустить, что круг значимых людей меняется на протяжении жизни. Для зрелого человека по-иному, чем в детстве, сохраняется значимость семьи (мужа, жены, детей) и по-новому выступает значимость родителей. Поэтому в данном исследовании специально дифференцированы разные “окружающие” лица, представления и оценки которых по-разному существенны для каждой личности, и проведена их классификация. В целом эти лица условно названы “экспертами”. Как говорилось выше, экспектации сложны по своему составу: личность предполагает, что представления окружающих включают и представления о ее характере, его проявлениях в поведении, и

представления о ее ценностных ориентациях, взаимоотношениях с людьми и множество других компонентов. Чтобы упростить эмпирическую задачу исследования, мы дифференцировали и выделили личностные, профессиональные качества, включенные в представления о ней, ее поведение и отношения к людям. В свою очередь, исследуя экспектации, мы с известной степенью абстрактности выявляли важность для личности того, что именно выделяется в представлениях и ее оценках другими – ее личностные или профессиональные качества, поведение или отношение к окружающим.

В известном смысле то, что она выбирает как наиболее существенное в представлениях других о себе, характеризует категории и семантический конструкт ее собственного сознания – важны ли для нее личностный, профессиональный, поведенческий, отношенческий планы. На основании дифференциации оценивающих лиц (“экспертов”) – родителей, детей, супругов, друзей и коллег по профессии – и тех качеств, которые подлежат оценке в представлении личности, мы предположили, что получим и избирательную, и достаточно интегральную характеристику сознания личности, образуемую ее экспектациями.

В данном исследовании мы не могли выявить различия между представлениями личности об отношении к ней окружающих и их реальными представлениями и отношениями. Но ставя своей целью доказать личностный характер и особенности экспектаций, мы должны были выявить связь ее сознания с личностными особенностями.

Гипотеза о связи избирательной семантики сознания с личностью доказывалась путем исследования ее характеристик, качеств, самооценки и их корреляций с особенностями экспектаций. Исследование *характеристик и самооценки личности* позволяет выявить личностно детерминированный *выбор*, реализуемый сознанием в экспектациях представлений других о себе. Таким образом, мы исследовали модель, включающую четыре параметра: характеристику личности, ее самооценку, выбор в своих экспектациях тех, чьи мнения для нее значимы, и приоритеты тех модальностей (личность, ее профессиональные качества, поведение и отношения), оценки которых окружающими для нее важны.

Таким образом в модели исследования были соединены и личностные, и социально-психологические параметры (значимые другие).

*Гипотезы исследования:*

1. Экспектации – диалогические проекции индивидуального сознания личности, комплекс которых воплощает ее представления об отношениях (оценках, мнениях) к ней окружающих (“Я глазами других”) и определяется уровнем самооценки и типом личности. То есть личностно детерминиро-

ванный комплекс представлений носит не индивидуально неповторимый, а типологический характер.

2. Экспектации являются выражением личностного выбора, осуществляемого ее социальным мышлением, которое составляет композицию представлений личности о себе и оценок себя другими разной степени обобщенности, разного знака и модальности.

3. В экспектациях оценок и мнений других дифференцируются: представления о личности, ее поведении, отношениях к другим, профессиональных качествах, но оценки личностных качеств, по-видимому, всегда приоритетны и обособлены.

4. Самооценка прямо пропорционально связана с оценочным уровнем экспектаций: высокая самооценка предполагает ожидание высоких оценок личностных, профессиональных качеств, поведения и отношений к другим.

#### Задачи:

1. Выявить типичные комплексы личностных черт (по Кеттелу) и их связь с модальностью экспектаций и приоритетами представлений значимых других.

2. Выявить, как в отношениях к себе значимых других личность дифференцирует оценки родственников от оценок коллег и друзей.

3. Выявить, какие модальности представлений из всех возможных личность выбирает, связывая их с тем или иным лицом (отцом, супругом и т.д.).

Приведенные здесь теоретические положения подтверждает наше экспериментальное исследование, в котором участвовали 153 испытуемых (мужчины и женщины в возрасте от 19 до 63 лет с высшим техническим и гуманитарным образованием).

Исследование осуществлялось в три этапа, на каждом из которых использовалась одна из трех методик. На первом испытуемые работали с *методикой личностного дифференциала*, которая выявляла самооценку респондентов по стандартным показателям: *оценки* (уровень самоуважения), *силы* (волевая сторона личности) и *активности* (экстраверсия). На втором этапе использовалась *оригинальная методика*, включавшая списки выделенных всеми респондентами: а) личностных характеристик; б) поведенческих особенностей; в) профессиональных качеств; г) отношений личности к другим; из них каждый респондент выбирал те характеристики, которые, по его мнению, ценят в нем: члены семьи (включая детей и родителей), друзья, коллеги, руководитель. На третьем этапе испытуемые заполняли *16PF опросник Кеттелла* в целях выявления собственно личностных черт, которые затем группировались в типы по степени тесноты связанности

последних (обработка данных, полученных этим методом, является оригинальной).

Для обработки данных применялись: метод контрастных групп, варимакс-вращение, факторный, корреляционный и качественный анализы.

В качестве переменных выступали: значения по шкалам Кеттелла, факторы личностного дифференциала и ожидаемые от экспертов оценки.

Обработка данных позволила выделить четыре значимых фактора.

*Первый фактор* (16,9%) условно обозначен как "Профессиональный". Его образуют показатели характеристик и оценок *поведения* личности и ее *отношения к другим*, ожидаемые ею от руководства, коллег (по работе) и друзей. (Мы знаем, что данные о друзьях необходимо обрабатывать отдельно. Однако такая группировка была вызвана первоначальной дифференциацией двух групп: семьи и группы значимых других.) Самый высокий факторный вес имеет переменная "*отношение к другим*", которая, по мнению респондентов, оценивается преимущественно коллегами. Судя по факторным нагрузкам, наиболее значимыми для испытуемых являются коллеги, руководство, менее значимыми – друзья. Ранжирование "модальностей" показывает, что в сознании личности мнение коллег о ее "отношениях к другим" превалирует над оценкой ее "поведения". Это можно объяснить тем, что на службе частота общения с коллегами выше, чем с руководством и друзьями, а в деловом (и в личном) общении для людей наиболее существенно то, как человек относится к другому. Эти экспектации коррелируют с двумя типами личности, образовавшимися по степени взаимосвязанности их характеристик по Кеттелу. Один характеризуется ответственностью, аккуратностью в делах, проницательностью и тактичностью в поведении, сдержанностью; он не любит перемен, поэтому ценит сложившиеся стабильные отношения с окружающими. Другой тип – мягкосердечная, утонченная личность с изысканным вкусом, развитым воображением, жизнерадостная, уверенная в себе, столь же уверена в таких отношениях.

*Второй фактор* (16%) определяется как "Личностный". В него вошли переменные: оценки *личностных* качеств, ожидаемые от всех экспертов (коллеги, семья, включая родителей). Самый высокий факторный вес имеет опять-таки переменная "коллеги", затем – руководство, мать, друзья, отец, супруги и дети. С данным фактором коррелируют два типа личности (по Кеттелу). Это высокоинтеллектуальные личности, серьезно и реалистично смотрящие на вещи, способные управлять эмоциями, спокойные и уверенные в себе. Они властны, самостоятельны, независимы, относятся к другим с предубеждением, но самоуверенность порождает ожидание значимости

своей личности для окружающих. Другой тип – бодрые, активные, беспечные, безразличные к удачам и неудачам, удовлетворенные любым положением дел, легко и оптимистично относящиеся к жизни люди, как и эгоцентрики, видят в глазах других самих себя.

*Третий фактор (16.1%) – “Семейный”.* Его составили переменные: оценки поведения и профессиональных качеств, ожидаемые от супругов и детей, т.е. своей семьи, исключая родителей. Парадоксальный результат – почему в семье поведение личности важнее, чем отношения (которые так существенны с коллегами), – нуждается в осмыслении и дальнейшем исследовании. Предварительно можно предположить, что это характеризует потерю стабильности, устойчивости семейных отношений, которые становятся эмпирическими, стихийными, т.е. сводятся к поведенческому уровню. Факторные веса оценок поведения, ожидаемых от супругов, выше, чем от детей, а факторные веса представлений о поведенческих качествах выше, чем о профессиональных. Это также достаточно неожиданный и на первый взгляд парадоксальный факт, что оценка семьей профессиональных качеств для личности более значима, чем их оценка коллегами. А объяснение – сложившиеся социальные условия, при которых роль профессиональных качеств для семьи возросла в связи с материальными проблемами. На службе же после определения профессиональной пригодности уровень профессионализма является само собой разумеющимся и на первый план выступают качества самой личности и ее отношения к людям. Этот фактор связан с двумя довольно различными типами. Первый – решительные, с тягой к риску, невосприимчивые к угрозе личности, которые, однако, возбуждены, беспокойны, неусидчивы, поэтому часто чувствуют себя усталыми. Именно они прежде всего сензитивны к оценкам своего поведения. Второй тип – зрелые, уравновешенные, не любящие перемен, расчетливые, рациональные и корректные в поведении личности, для которых задача адаптации делает существенными поведенческие проявления. Необходимо отметить, что экспектации поведенческих характеристик важны для разных типов по различным функциональным основаниям.

*Четвертый фактор (15.6%) – “Родительский”.* В его комплекс входят экспектации поведенческих, отношенческих, профессиональных качеств, ожидаемых от матери и отца. Самую высокую факторную нагрузку имеет переменная “профессиональные качества”, оцениваемая отцом, она выше по значимости, чем ожидаемая от матери. Значимость качеств ранжируется по иерархии: профессиональные, отношенческие, поведенческие. С этим фактором связаны два типа личностей. Первый – властные, действующие смело, энергично и активно, характеризующиеся рас-

четливостью, проницательностью, рациональностью. Им свойственна независимость, самостоятельность; они не нуждаются в одобрении и поддержке со стороны. Но они консервативны, ригидны, не любят перемен. Можно предполагать, что столь высокая значимость оценок родителей (отца) связана с восприятием его личности как образца, давшего основу самостоятельности. Второй – противоречивый – смелый, решительный и одновременно мягкий, слабовольный, не умеющий организовать свое время и порядок выполнения дел тип личности. Для него характерны жизнерадостность, уверенность в успехах, невосприимчивость к угрозе и утонченный вкус. Роль экспектаций родителей (и их оценок практически по всем параметрам) существенна для него по прямо противоположному основанию: сохраняется неразрывная связь, отношения с родителями, которые обеспечиваются ожиданием и непрерывным получением от них оценок.

Таким образом, факторный анализ подтвердил гипотезу о том, что личности дифференцируют оценки близких от оценок коллег и друзей. Испытуемые четко дифференцируют личностные, поведенческие, отношенческие, профессиональные качества. Однако ожидание оценок своих личностных качеств является преобладающим и обособленным, что подтверждает идею Эриксона о самоидентичности личности и значимости подтверждения этой идентичности другими (не только в юношеском возрасте).

Корреляционный анализ выявил связь самооценки личности с ориентациями ее экспектаций на разные качества, оцениваемые различными лицами. Получены следующие результаты: фактор “Оценка” (означающий уровень самоуважения) прямо пропорционально связан с экспектациями оценок поведенческих, отношенческих и профессиональных качеств от руководства, коллег, друзей, супругов и детей и оценок всех качеств от родителей. Это говорит о том, что респонденты, ожидающие оценок от всех окружающих – коллег, друзей и собственной семьи, имеющие полноту представлений других о себе, личностно самореализованы, осознают свое социально желательное отношение к другим, удовлетворены собой.

Фактор “Сила” (волевая личность) прямо пропорционально связан с оценками всех групп качеств, ожидаемых от руководства, матери, отца и супругов; оценками личностных, отношенческих, профессиональных качеств, ожидаемых от коллег и друзей; оценками личностных и профессиональных качеств, ожидаемых от детей. Это свидетельствует о том, что чем больше чувство уверенности в себе, независимости, силы воли, склонности рассчитывать на собственные силы, тем человек

увереннее в оценках своих качеств всеми окружающими.

Фактор “Активность” (экстравертированность) прямо пропорционально коррелирует с ожиданиями оценок личностных, отношенческих и профессиональных качеств от коллег и друзей, родителей и детей; с ожиданием оценок своих отношенческих и профессиональных качеств от супругов. Общительность и активность предполагает ожидания высоких оценок почти по всем качествам, а замкнутость и пассивность – низких оценок.

Результаты выявления связей переменных (значений по шкалам Кеттела, самооценки и ожидаемых экспертных оценок) с такими показателями выборки, как *возраст, пол, семейное положение и профиль образования*, говорят о том, что ожидания оценок зависят от личностных черт и собственной самооценки. Чем выше самооценка, тем выше ожидаемая оценка, а высокая самооценка встречается у людей общительных, эмоционально зрелых, решительных, уверенных в себе. Это свидетельствует о том, что высокий уровень самооценки и позитивные личностные качества как бы “дублируются” или усиливаются сознанием в ожиданиях высоких оценок. Личностные характеристики конгруэнтны ее диалогическому сознанию, социальному мышлению.

Качественный анализ характеристик личностной, поведенческой и других групп качеств дал следующие результаты:

*В общей выборке* в ожиданиях личностных качеств преобладали оптимизм, воля, стойкость. В ожидании оценок поведенческих качеств – нравственность, тактичность, бескорыстие. В ожиданиях отношенческих качеств преобладала ориентация на уважение, преданность, заботливость. И наконец, в представлениях о своих профессиональных качествах на первое место вышли ответственность, образованность, компетентность.

*В возрасте отношений:* ожидания более высоких оценок оптимизма, капризности, своенравности, стойкости, тактичности, эгоистичности, креативности преобладают у молодых людей, а ожидания более высоких оценок зрелости, бескорыстности, щедрости, терпимости, откровенности, способности к покровительству, инициативности – у зрелых.

*Мужчины* ожидают более высоких оценок своей неприхотливости, реалистичности, независимости, склонности к покровительству, терпимости, образованности. *Женщины* считают, что окружающие видят их более ласковыми, волевыми, своенравными, энергичными, стойкими, оптимистичными, романтичными, импозантными, миролюбивыми, тактичными, уступчивыми, моральными, уважаемыми, зрелыми, заботливыми, откровенными, инициативными и креативными. То есть диффе-

ренциация проходит по линии многообразия характеристик, ожидаемых женщинами. Мужчины проще и однообразнее в своих ожиданиях, чем женщины.

*Семейные* ожидают оценок себя другими как более моральных, уступчивых, откровенных, покровительствующих, а *одинокие* – как более стойких, импозантных, уважаемых, миролюбивых, самокритичных, образованных и продуктивных.

*Образовательные:* личности с техническим образованием видят себя в глазах других как в высшей степени неприхотливых, покладистых, независимых, способных к покровительству, самоотверженных, дисциплинированных, организованных. Респонденты с гуманитарным образованием – как оптимистичных, ласковых, тактичных, уважаемых, самокритичных, миролюбивых, зрелых, терпимых, деликатных, креативных.

В заключение отметим, что теоретические и эмпирические результаты позволяют говорить об ожиданиях как одном из важнейших составляющих индивидуального сознания личности – механизме ее социального мышления. Представления личности об отношении к ней окружающих – это выражение ее выбора; они образуют комплекс, характеризующий сознание данного типа. Оценки оценок значимых других для разных людей выполняют различные функции. В одних случаях, будучи уже закрепленными в сознании личности, они являются ее внутренним достоянием, в других – выражают постоянную “работу” сознания, служащую поддержке личности. Поскольку ожидания исследовались не в рамках психоаналитической терапии (и патологии) личности, мы не обсуждали (и не изучали) проблему бессознательных детских паттернов – “объектных отношений” – с близкими (матерью и отцом), хотя и не исключали их роли для зрелой личности. Мы не имели возможности выявить особенности и различия личностных защит и бессознательных установок на те или иные интерпретации личности окружающими. Но пока удалось обнаружить наиболее простые зависимости. В своих ожиданиях субъект дифференцирует оценки окружающими своей личности, собственного поведения, отношений к другим, профессиональных качеств. Оценки личностных качеств всегда приоритетны и обособлены от всех других, что свидетельствует о потребности в подтверждении самоидентичности (по Э. Эриксону). Оценки оценок своих личностных качеств выражают отмеченную еще Г. Олпортом способность посмотреть на себя со стороны (наблюдающее Эго). Но исследование не подтвердило его идеи о независимости зрелой личности от одобрения окружающих как общей закономерности: одни типы личностей нуждаются в одобрении, другие – не ожидают его, одни ждут поддержки от одного, другие – от другого круга

людей. Ориентация в своих ожиданиях на личностные качества конгруэнтна собственным личностным чертам (по Кеттелу).

Личность, воспринимая себя глазами других, различает оценки родителей, членов собственной семьи, коллег и друзей. В оценках родственников для нее значимы разнообразные характеристики, а в оценках коллег и друзей – поведенческие и отношенческие. Ожидания представлений руководителя и членов семьи связаны преимущественно с коммуникативными чертами личности (по Кеттелу), а ожидания оценок матери, друзей и коллег – с личностными чертами.

Ожидаемые оценки прямо пропорциональны самооценке. Личности с высокой самооценкой ориентируются прежде всего на оценки коллег и родителей, а с низкой – на оценки собственной семьи и друзей, т.е. на поддержку.

Результаты исследования показали, что чем более зрелой является личность, тем более высоких оценок она ожидает. Прослеживаются различия между личностями с гуманитарным и техническим образованием: первые ожидают высоких оценок, вторые – низких; семейные – высоких, а одинокие – низких. В целом, можно сделать следующий вывод: если типологизация межличностных отношений носит социально-психологический характер, то их комплекс в сознании личности зависит от ее выбора, потребностей, самооценки и личностных особенностей.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.
2. Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности: избранные психологические труды. М., 1999.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
4. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.
5. Брушлинский А.В., Поликарпов В.А. Мышление и общение. Минск, 1990.
6. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987.
7. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.
8. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18; № 2. С. 3–14.
9. Мясницев В.Н. Психология отношений / Под ред. А.А. Бодалева. М.-Воронеж, 1998.
10. Панттилеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М., 1991.
11. Проблемы психологии субъектных суждений и оценок. Саратов, 1984.
12. Психологические аспекты социальных отношений личности. Рязань, 1980. Вып. 1.
13. Психологические механизмы формирования оценочных суждений. Саратов, 1989.
14. Психология личности: новые исследования / Под ред. К.А. Абульхановой-Славской и др. М., 1998.
15. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
16. Хьел Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997.
17. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д, 1998.
18. Юнг К. Психологические типы. Цюрих, 1929.
19. Abric J.-Cl. A theoretical and experimental approach to the study of social representations in a situation of interaction (social representations) / Eds. R.M. Farr, S. Moscovici. Cambridge, 1984.
20. Asch S.E., Luckier H. Thinking about person. // Soc. Psychol. 1984. V. 46. P. 1230–1240.
21. Bandura A. Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs., N.Y.: Prentice-Hall, 1986.
22. Davies M. Thinking persons and cognitive science // Amer. Soc. J. Berlin (West), 1990. V. 4. No. 1. P. 39–50.
23. L'Ecuyer R. Le concept de soi. Paris, 1978.
24. Mead Y.H. Mind, self and society from the standpoint of a social behaviorist. Chicago. Univ., 1946.
25. Moscovici S. Social representations. N. Y., 1984.
26. Moscovici S. Changing conceptions of crowd mind and behaviour. N. Y., 1986.
27. Social cognition of social personality and developmental psychology / Ed. D.Y. Schneider. Rice Univ., 1986.

## PRESENTATIONS OF PERSONALITY ABOUT SIGNIFICANT OTHERS' ATTITUDES TO SELF

**К. А. Abulkhanova-Slavskaya\*, Е. V. Gordienko\*\***

\* *Academician of RAE, Dr. sci. (psychology), professor, head of laboratory of personality, IP RAS, Moscow*  
 \*\* *Cand. sci. (psychology), faculty member of Krasnoyarsk State University, Krasnoyarsk*

There are described the expectations as a complex of presentations of personality about significant others' attitudes to Self (Myself in the view of others) forming in individual consciousness as a mechanism of social thinking. The personal character of expectations is revealed in empirical study; it manifests in discriminative semantics of consciousness and their congruence with personal traits. The last ones are general characteristics of types choosing estimations of different significant people (colleagues, family, etc.).

*Key words:* social presentations, individual consciousness, social thinking, expectation, self-concept, personal traits.